

Увидев, как Линь Ханьчжи расплылся в улыбке, Мяо Юэ даже аппендиксом могла догадаться, что он переписывается с Ци Гу. Поэтому очень деликатно посоветовала:

— Лучше побольше селфи и поменьше слов. С таким языком я боюсь, что брат Ци от тебя в обморок упадёт.

Линь Ханьчжи, держа телефон, холодно усмехнулся:

— Не упадёт. А если он услышит, что ты так говоришь, ещё и вместе со мной тебя обсудит.

Пока говорил, невидимый хвост за спиной будто задрался всё выше. На лице было написано сплошное самодовольство.

Мяо Юэ: «...?»

— Он даже мне не разрешает говорить о себе плохо. Конечно, и тебе не позволит, — уголки губ Линь Ханьчжи стремились прямо в небо.

Мяо Юэ не ожидала, что её вот так внезапно накормят романтическим хвостовством с настолько странного ракурса. Она одновременно радовалась за него и считала Линь Ханьчжи бесстыжим до невозможности. Несколько секунд помолчала и спросила:

— Так фотографии ещё делаем?

Снимала Мяо Юэ действительно отлично. Своих подруг, увлекающихся тремя стилями — ханьфу, лолита и JK, — она могла сфотографировать как попало и всё равно получить шедевр, который не стыдно было бы потом поставить на надгробие как главный снимок всей жизни.

— ...Делаем. Но немного позже, когда призрачная ци рассеется. Не хочу, чтобы он за меня беспокоился, — Линь Ханьчжи без колебаний выбрал вариант, наиболее выгодный ему самому.

— Хорошо. Но мы с Гэсаном уже раскрылись перед братом Ци. Почему ты всё ещё не снимаешь маску? Тебе понравилось изображать черепаху, спрятавшуюся в панцире?

Линь Ханьчжи: «...»

— Дай подумать, как сказать и при каких обстоятельствах, чтобы он меньше сердился.

— Сейчас бояться, что он разозлится, не поздновато?

— Замолчи. И так раздражает, — недовольно отрезал Линь Ханьчжи.

Когда он впервые встретил Ци Гу, то, чтобы максимально близко наблюдать за его силой и характером, мгновенно придумал себе образ трусливого человека и прилип к нему.

А теперь, когда отношения незаметно изменились, эта роль загнала его в ловушку. Сойти с тигра стало трудно.

Деревья в горах шелестели под ветром. Вместе со свежим ночным воздухом доносился трудно описываемый запах крови.

Они ловили призрака-свежевателя. Больше всего тот любил сдирать красивую молодую кожу и носить её. А чтобы снять кожу целиком и без повреждений, во время самого процесса применял исключительно жестокие методы, заставляя выбранную жертву пережить мучительные пытки.

Когда они впервые увидели призрака, тот неотрывно глазел на молодого интернет-блогера, который вёл прямой эфир во время похода по горам. Даже сам подошёл знакомиться и пригласил после трансляции бесплатно переночевать в своей гостинице.

На нём в тот момент была кожа настоящего хозяина гостиницы.

Линь Ханьчжи не раздумывал ни секунды. С холодным взглядом метнул костяной клинок прямо в голову призрака-свежевателя. Тот мгновенно сбросил человеческую оболочку и сбежал.

Остальные туристы, внезапно увидев перед собой целую человеческую кожу, едва не попадали в обморок.

Линь Ханьчжи даже не собирался скрывать произошедшее. Пока толпа не обращала на них внимания, повёл остальных двоих дальше за призраком.

Пусть это станет ещё одним этапом подготовки общества к официальному признанию существования нечисти.

Семейный компас Сяо Вана для поиска злых существ умел определять их след, но интуиция Линь Ханьчжи была пугающе точной. Каждый раз, когда Сяо Ван ещё не успевал достать компас, Линь Ханьчжи уже указывал новое направление.

Так они некоторое время петляли по горе, пока не стемнело.

Внезапно Линь Ханьчжи поднял руку, не давая Мяо Юэ заговорить, и в тот же миг несколькими костяными клинками одновременно ударил в одну сторону.

На костях были вырезаны странные письмена, некоторые клинки даже имели ажурные прорезы, но все они были невероятно прочными: даже вонзившись в камень, не получали ни малейшего повреждения.

Сяо Ван и Мiao Юэ тут же бросились туда, куда полетели клинки.

Но Линь Ханьчжи холодно усмехнулся. Из рукава скользнул ещё один костяной клинок. Он развернул запястье, крутанулся всем телом и, даже не моргнув, вонзил оружие в красное, полностью лишённое кожи тело призрака-свежевателя, который пытался напасть сзади.

Увидев настолько опасную сцену, Мiao Юэ вскрикнула.

Сяо Ван тоже остолбенел:

— Вы специально отвлекли его внимание в другую сторону? Вы с самого начала знали, что он спрятался у вас за спиной?

— Как ты догадался? — с любопытством спросила и Мiao Юэ.

Линь Ханьчжи неожиданно указал на собственное лицо:

— Пока мы его преследовали, я несколько раз замечал, что оно задерживает взгляд на моём лице. Сразу понятно, что захотело мою кожу. Призраки-свежеватели любят красивую оболочку. На этой горе разве есть кто-нибудь красивее меня, ради кого стоило бы так рисковать?

Мiao Юэ и Сяо Ван переглянулись: «...»

В принципе, он прав. Но неужели, расхваливая себя вот так, он вообще не испытывает стыда?

Линь Ханьчжи явно принадлежал к людям, которые даже не знают, как пишется слово «стыд». Он лёгким движением костяного клинка прорезал на теле призрака длинную рану, будто резал дыню, и ледяным тоном сказал:

— Вкус хороший. Жаль, чувство опасности никудышное.

Призрак-свежеватель, которому присвоили класс опасности С, тут же развеялся без следа.

Мiao Юэ показала Линь Ханьчжи жест «шесть», выражая восхищение.

А тот лишь поторопил:

— Иди место выбирай. Ты же сказала, что будешь меня фотографировать?

Сяо Ван: «...?»

И всё? А захватывающая погоня? А эффектная схватка? А ужас сильного призрака?

Всё закончилось настолько внезапно и совершенно не так, как обычно, что у Сяо Вана возникло странное ощущение, будто он сходил в туалет и забыл подтереться.

Линь Ханьчжи вежливо сказал ему:

— Рабочий день окончен. Возвращайся спать.

После чего потащил Мяо Юэ искать идеальное место для фотографий.

Этот призрак класса С изначально был не особенно сильным, так, побочная цель. В Шаньинь Линь Ханьчжи приехал ради другого.

Но заняться этим следовало уже после возвращения в отель, избавившись от Мяо Юэ.

Не то чтобы он ей не доверял — просто не хотел без необходимости втягивать её в это дело.

Когда они преследовали призрака-свежевателя, Линь Ханьчжи всю дорогу жаловался, что тот слишком хорошо бегают. Зато теперь, разыскивая подходящие виды, молчал и с удовольствием бегал за Мяо Юэ по всей горе.

Ещё и пообещал:

— Фотографируй хорошо. Если снимки получатся, открою тебе в торговом районе магазин ханьфу, лолиты и JK.

Кто способен устоять перед такой приманкой? Рука Мяо Юэ с телефоном мелко задрожала. Через некоторое время она торжественно сказала:

— Я постараюсь! Сделаю тебя настолько красивым, что брат Ци с первого взгляда на фото будет любить тебя до безумия!

Линь Ханьчжи представил бесстрастного Ци Гу, который любит его «до безумия», и счёл картинку немного пугающей.

— До такой степени не надо. Достаточно, если он несколько раз меня похвалит.

Щёлк-щёлк-щёлк, щёлк-щёлк-щёлк — затвор и вспышка заработали без остановки, воплощая решимость Мяо Юэ разбогатеть.

Даже придирчивый Линь Ханьчжи, просмотрев снимки, не нашёл, к чему придраться. Молча попросил Мяо Юэ прислать оригиналы, а уже в машине по дороге в отель растерялся от выбора, не зная, какую отправить первой.

Если выслать сразу все, Ци Гу не решит, что он слишком любит себя? Тогда получится только хуже.

А человек с таким спокойным характером, как Ци Гу, наверное, не любит слишком самовлюблённых друзей.

И, по той же логике, партнёров тоже...

Пока Линь Ханьчжи в голове почти не составил двадцатитысячный опросник по анализу характера Ци Гу, Мяо Юэ глубоко вдохнула и наставительно сказала:

— Сначала отправь дальний план, потом средний, в конце крупный портрет лица. Понял?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949110>